

301

В фонд музея Леопольда
ЛТУ от автора

Оттискъ изъ «Ежегодника по Геологiи и Минералогiи Россiи» (Т. VIII, вып. 1), издаваемого подъ редакцiей Н. Криштафовича.

Extrait de l'«Annuaire géologique et minéralogique de la Russie» (Vol. VIII, livr. 1), édité et rédigé par N. Krischtafowitsch.

ПАМЯТИ А. А. ШТУКЕНБЕРГА.

31-го марта 1905 г. скончался въ г. Казани одинъ изъ видныхъ русскихъ геологовъ—профессоръ Казанскаго Университета Александръ Антоновичъ Штукенбергъ. Безъ сомнѣнiя, всѣ, кто слѣдили за развитiемъ отечественной науки, вполне оцѣнятъ важность этой утраты. Но особенно сильно должны почувствовать цѣль этой утраты тѣ лица, которые имѣли тѣсное стеллкосновенiе съ покойнымъ и близко знали его.

коллеге претендуя на подробную оцѣнку научной, педагогической и общественной дѣятельности покойнаго, я хотѣлъ бы въ этомъ краткомъ очеркѣ сообщить о тѣхъ впечатлѣнiяхъ, которыя мнѣ лично пришлось вынести изъ непосредственнаго знакомства съ Александромъ Антоновичемъ.

Знакомство мое съ покойнымъ началось съ 1891 года, когда я, будучи студентомъ, слушалъ его лекцiи палеонтологiи и геологiи. Позднѣе я вошелъ въ болѣе тѣсное соприкосновенiе съ нимъ, когда сталъ заниматься въ геологическомъ кабинетѣ Казанскаго Университета; такъ дѣло шло почти до самого послѣдняго времени. За этотъ промежутокъ времени мнѣ пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ разносторонней дѣятельности Александра Антоновича, причемъ у меня накопилось не мало впечатлѣнiй, которыми мнѣ хотѣлось бы здѣсь подѣлиться.

Мнѣ хотѣлось бы здѣсь коснуться нѣсколькихъ сторонъ личности Александра Антоновича и остановиться на его дѣятельности, какъ ученаго, какъ профессора, какъ организатора музеевъ, какъ общественнаго дѣятеля и какъ экскурсанта. Какъ научный дѣятель, Александръ Антоновичъ занимаетъ выдающееся мѣсто среди отечественныхъ геологовъ. Его многочисленныя научныя работы свидѣтельствуютъ о боль-

шомъ разнообразiи тѣхъ вопросовъ, которымъ онъ посвящалъ свое вниманiе. Я не стану перечислять здѣсь всѣ работы, которыя были выполнены Александромъ Антоновичемъ, а тѣмъ болѣе, входить въ ихъ оцѣнку, такъ какъ это уже сдѣлано въ значительной степени другими. Скажу только, что онъ работалъ и въ области архейскихъ породъ, и въ области палеозоя, мезозоя и въ области послѣтретичныхъ отложений, а также въ области изверженныхъ породъ. Точно также районы, въ которыхъ онъ производилъ свои изслѣдованiя, были очень разнообразны—онъ работалъ и на югѣ (въ Крыму), и въ центральной Россiи, и въ Поволжьи, и по Камѣ, а въ послѣднее время особенно много работалъ на Уралѣ. Когда онъ принимался за разработку какого нибудь матерiала, онъ вкладывалъ въ работу всю свою душу, работалъ съ необыкновенной энергiей и настойчивостью, быстро и съ большимъ увлеченiемъ, при чемъ былъ очень продуктивенъ. Часто онъ забывалъ при этомъ объ отдыхѣ. Иногда онъ даже переселялся въ геологическiй кабинетъ и жилъ тамъ, работая, такимъ образомъ, почти безъ перерывовъ. Всегда обращало на себя вниманiе его желанiе довести работу до конца—не бросать ее на половинѣ дороги. Далѣе заслуживаетъ особеннаго вниманiя то, что онъ до самаго послѣдняго времени не оставлялъ своей научной дѣятельности—такъ въ послѣднiе дни своей жизни онъ занимался монографической разработкой обширнаго каменноугольнаго матерiала съ Самарской Луки.

Какъ профессоръ, Александръ Антоновичъ заслуженно пользовался глубокимъ уваженiемъ всѣхъ лицъ, которыя такъ или иначе приходили съ нимъ въ соприкосновенiе. Онъ всегда живо интересовался научными вопросами и до послѣдняго времени былъ на высотѣ

тѣхъ требованій, которыя могутъ быть предъявлены къ профессору. Читанные имъ курсы, можетъ быть, и не поражали особой картинностью изложенія, но всегда отличались опредѣленностью, ясностью и содержательностью. Не вдаваясь въ детали, онъ въ своихъ курсахъ стремился, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы развить у своихъ слушателей ясныя и опредѣленныя представленія объ основахъ науки. При руководствѣ работами своихъ учениковъ въ кабинетѣ онъ особенно обращалъ вниманіе на развитіе у послѣднихъ самостоятельности. Если только онъ видѣлъ у человѣка живой интересъ къ дѣлу, онъ старался всѣми силами поддержать этотъ интересъ. При этомъ, какъ и въ своихъ курсахъ, онъ старался добиться ясности и опредѣленности въ работѣ своего ученика. Въ большинствѣ случаевъ, и темы для работъ онъ давалъ такія, которыя вели къ развитію самостоятельности и непосредственной наблюдательности. Это обыкновенно были какія нибудь петрографическія или палеонтологическія темы, разработка которыхъ могла дать всегда что нибудь новое въ научномъ отношеніи. Слѣдя за ученической работой, онъ, понятно, не оставлялъ ее безъ критики, причемъ въ критикѣ часто былъ довольно рѣзокъ. Эта рѣзкость подчасъ приводила въ смущеніе лицъ, начинавшихъ у него работать, и даже могла давать поводъ къ недоразумѣніямъ, но съ теченіемъ времени занимавшіеся могли убѣдиться въ томъ, что рѣзкость его въ значительной степени была слѣдствіемъ его горячей вспыльчивой природы.

Помимо занятій со студентами въ кабинетѣ, Александръ Антоновичъ иногда устраивалъ студенческія экскурсіи. Въ роли руководителя такими экскурсіями онъ поражалъ своей неутомимой энргіей и находчивостью. Мнѣ пришлось принимать участіе въ студенческой экскурсіи, совершенной подъ его руководствомъ въ 1892 году по Дагестану. Это былъ холерный годъ, когда холера распространилась по всей Россіи, причемъ исходнымъ пунктомъ для нея были мѣстности, въ которыхъ мы рассчитывали экскурсировать. Мы попали въ Дагестанъ въ тотъ моментъ, когда холера, распространяясь изъ г. Баку, захватывала все новые и новые районы. Понятно, что это создавало для нашей экскурсіи не мало затрудненій — пришлось измѣнять планъ ея и даже отказаться отъ части намѣченной программы. Но, несмотря на это, экскурсія была выполнена, причемъ дала очень много поучительнаго. Этимъ мы обязаны были исключительно нашему руководителю, который не задумывался передъ препятствіями и принималъ всѣ мѣры къ успѣшному выполненію экскурсіи. Подчасъ онъ даже не прочь былъ затратить собственныя средства, лишь бы все было сдѣлано надлежащимъ образомъ. Только благодаря его

энергіи, намъ не пришлось попасть въ карантинъ, когда мы уже возвращались въ Темиръ-ханъ-Шуру, по направленію къ Владикавказу. Во время экскурсіи онъ стремился поставить дѣло возможно широко — онъ не ограничивался только геологическими изслѣдованіями, но старался приохотить экскурсантовъ къ собиранію животныхъ и растений и, вообще развить, у нихъ интересъ къ естествознанію. Но, помимо такихъ экскурсій, которыя могли устраиваться далеко не часто, Александръ Антоновичъ являлся организаторомъ многихъ небольшихъ студенческихъ экскурсій въ различные пункты восточной Россіи. Эти экскурсіи, имѣя педагогическое значеніе, въ то же время всегда давали что нибудь новое въ научномъ отношеніи. Нужно замѣтить, что помимо студентовъ, которые непосредственно имѣли сношенія съ Александромъ Антоновичемъ, какъ съ профессоромъ, къ нему очень часто обращались за совѣтомъ разныя постороннія лица, интересовавшіеся тѣми или иными естественно-историческими вопросами. И можно сказать, что онъ всегда относился къ такимъ лицамъ очень серьезно и внимательно и своими цѣнными совѣтами оказывалъ имъ большую услугу.

Александръ Антоновичъ создалъ цѣлую школу учениковъ, которые разсыяны въ настоящее время по различнымъ уголкамъ Россіи и во многихъ случаяхъ занимаютъ профессорскія кафедры въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Уже это обстоятельство указываетъ на крупное значеніе А. А., какъ профессора и руководителя геологическими работами. Необходимо отмѣтить здѣсь, что основной чертой, какъ его личныхъ работъ, такъ и тѣхъ вопросовъ, разработку которыхъ онъ предлагалъ своимъ ученикамъ, было стремленіе къ возможно широкой постановкѣ научныхъ задачъ.

Важная заслуга Александра Антоновича заключается въ дѣятельности его, какъ организатора геологическаго кабинета Казанскаго Университета, а въ послѣднее время — естественно-историческаго отдѣла Казанскаго Городскаго Музея. На это дѣло онъ потратилъ необыкновенно много силъ. Можно сказать, что геологическій музей Казанскаго Университета — дѣло почти исключительно его рукъ и рукъ его учениковъ. По истинѣ, онъ могъ гордиться этимъ музеемъ, какъ своимъ дѣтищемъ. Онъ создалъ цѣлую систему привлеченія въ музей различныхъ интересныхъ коллекцій и отдѣльных находокъ, попадавшихъ въ различныхъ пунктахъ Россіи, особенно восточной ея части. Интересно было видѣть его, когда онъ приводилъ въ порядокъ какія либо коллекціи въ кабинетѣ: тутъ онъ уже не зналъ отдыха и проводилъ цѣлыя часы въ этомъ занятіи. Затративъ на созданіе кабинета большую долю своей жизни, онъ естественнымъ образомъ

сжился съ нимъ. Съ какимъ удовольствіемъ онъ показывалъ этотъ кабинетъ, когда къ нему заходилъ какойнибудь даже случайный посѣтитель! А какъ горячо и живо онъ принималъ къ сердцу все, что касалось кабинета! Сколько приходилось затрачивать ему энергіи въ дѣлѣ расширенія помѣщеній для кабинета!

Помимо геологическаго кабинета, онъ посвящалъ много вниманія и минералогическому кабинету. Бывая часто на Уралѣ и живо интересуясь уральскими минералами, онъ всегда старался привлечь въ минералогическій кабинетъ по возможности все, что представляло научный интересъ. И несомнѣнно многія цѣнныя вещи, находящіяся въ минералогическомъ кабинетѣ, обязаны своимъ присутствіемъ тутъ стараніямъ Александра Антоновича.

Въ послѣднее время А. А. затратилъ не мало силъ и можетъ быть даже средствъ на естественно-исторической отдѣлѣ Казанскаго Городскаго Музея. Мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ пріобрѣтенія имъ для музея различныхъ уральскихъ минераловъ въ Екатеринбургѣ, Златоустѣ, Міасѣ и друг. пунктахъ. Каждый разъ меня поражала его неутомимость въ этомъ дѣлѣ. Онъ готовъ былъ сидѣть цѣлый день, подчасъ въ пыли, въ жаркій день, и выбирать наиболѣе цѣнныя вещи, лишь добыть все, что представляетъ научную цѣнность. И можно сказать, что за короткій сравнительно срокъ ему удалось обставить минералогическую коллекцію Музея очень полно.

Нужно указать еще на дѣятельность Александра Антоновича въ качествѣ президента Казанскаго Общества Естествоиспытателей. Какъ президентъ Общества онъ былъ незамѣнимъ—не даромъ онъ пробылъ на этомъ мѣстѣ цѣлыхъ 30 лѣтъ. Память о немъ въ Обществѣ, несомнѣнно, сохранится на очень долгое время. Онъ былъ всегда живымъ, дѣятельнымъ, представителемъ этого Общества и всегда замѣчательно горячо принималъ къ сердцу все, что касалось Общества. Онъ являлся инициаторомъ многихъ естественно-историческихъ изслѣдованій въ мѣстномъ краѣ, причемъ всегда стремился къ широкой постановкѣ тѣхъ задачъ, которыя преслѣдовались, организовавшимися по его инициативѣ, экскурсіями.

Необходимо еще остановиться на дѣятельности Александра Антоновича, какъ экскурсанта. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ участвовать въ экскурсіяхъ, которыя онъ предпринималъ въ различныхъ части Урала. Во время этихъ экскурсій передъ мной развертывалась вся энергичная сильная натура Александра Антоновича. Онъ всегда поражалъ своей неутомимостью и предприимчивостью. Эти качества онъ обнаруживалъ до самаго послѣдняго времени, даже несмотря на свой преклонный возрастъ и на то, что бо-

лѣзни, возникшія можетъ быть какъ послѣдствія экскурсій, уже дѣлали свое дѣло, онъ былъ вѣренъ себѣ—былъ тѣмъ же человѣкомъ, полнымъ энергіи, какимъ онъ являлся во всѣхъ другихъ сферахъ своей дѣятельности. Можно сказать, что различныя препятствія и затрудненія, неизбѣжныя во время экскурсій, обыкновенно какъ то удесятерили его силы. Въ первый разъ я участвовалъ въ его экскурсіи въ Сысертскую дачу въ 1893 году. Эта экскурсія затрагивала очень интересную мѣстность съ сложнымъ геологическимъ строеніемъ. Нужно было видѣть, съ какимъ упорствомъ и съ какой настойчивостью онъ производилъ изслѣдованія! Препятствій для него не существовало, точно также онъ не зналъ усталости. Онъ смѣло проникалъ въ самыя глухія мѣста (а такихъ мѣстъ въ Сысертской дачѣ не мало), лишь бы возможно полно освѣтить геологическое строеніе изслѣдуемой мѣстности. Только послѣ того, какъ въ достаточной степени очерчивалась картина геологическаго строенія, онъ позволялъ себѣ дѣлать небольшую передышку, чтобы послѣ этого съ новой энергіей приняться за продолженіе своей работы. Во время экскурсій онъ старался использовать весь матеріалъ, который только попадалъ въ его руки. Признаюсь, для меня, начинавшаго геолога, эта экскурсія была въ высшей степени поучительна. Другой разъ я принималъ участіе въ экскурсіи Александра Антоновича по Уралу въ 1896 году. Эта экскурсія была совершена по долинѣ р. Урала между г. Верхнеуральскомъ и ст. Кизильской и захватила пространство между рр. Ураломъ и Бѣлой и долину послѣдней. Въ этотъ годъ было необыкновенно дождливое лѣто. Продолжительные дожди сдѣлали то, что во многихъ мѣстахъ дороги сдѣлались непроходимыми. Однако, несмотря на все это, Александръ Антоновичъ не прекращалъ своей экскурсій. Но что приходилось ему выносить!—Онъ и мокъ подъ проливнымъ дождемъ и подвергался опасности разбиться во время поломки экипажа при переѣздѣ по опасному мѣсту, но ничто не ослабляло его энергіи. Экскурсія была выполнена съ успѣхомъ. Еще одинъ разъ мнѣ пришлось принимать участіе въ его экскурсіи по р. Бѣлой между Качинскимъ заводомъ и Вознесенской дачей. Это было въ 1902 году. Пришлось ѣхать на лодкѣ по совершенно дикой мѣстности. Нельзя сказать, чтобы погода была благопріятна для подобной экскурсій—все время шли дожди. И не разъ приходилось подвергаться опасности простудиться, такъ какъ мы находились все время въ сырости и ночевали непосредственно на берегу рѣки, подъ открытымъ небомъ. Несмотря на это, и здѣсь Александръ Антоновичъ поражалъ своей неутомимостью и выносливостью. Но это была послѣдняя его значительная экскурсія на Уралѣ. Я помню, онъ

говорилъ, что пожалуй ему этой экскурсіей придется закончить экскурсію на Уралъ, такъ какъ преклонный возрастъ давалъ все таки себя чувствовать. И дѣйствительно, еще разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы были, ему уже не суждено было побывать. Я не нахожу возможнымъ приводить здѣсь различные случаи, имѣвшіе мѣсто во время экскурсій и дававшіе возможность обнаруживаться характеру Александра Антоновича. Скажу только, что отъ всей его фигуры, какъ экскурсанта получалось необыкновенно сильное впечатлѣніе и невольно создавалось представленіе о томъ, что такимъ и долженъ быть каждый экскурсантъ, чтобы его экскурсія имѣла успѣхъ.

Уже изъ сказаннаго обрисовывается обликъ Александра Антоновича. Это былъ человѣкъ необыкновенной энергіи, типичный, неутомимый научный работникъ, искренно преданный наукѣ, можетъ быть нѣсколько прямолинейный, но съ совершенно опредѣленнымъ цѣльнымъ міровоззрѣніемъ. Этимъ онъ всегда привлекалъ къ себѣ и вызывалъ чувство искренняго уваженія. Можно было всегда получить отъ него совершенно опредѣленное мнѣніе относительно каждаго вопроса. Опредѣленность и законченность—требованія, которыя онъ предъявлялъ ко всякому мнѣнію, ко всякому по-

ступку. Наоборотъ всякая неясность и неопредѣленность вызывала съ его стороны органическую неприязнь. Правда, иногда онъ можетъ быть и ошибался въ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ фактовъ, но кому же не свойственно ошибаться!

По своему безкорыстному служенію наукѣ, по своему искреннему стремленію сдѣлать въ жизни все, что только было въ его силахъ, по постоянной научной дѣятельности, не прекращавшейся до самой его смерти, онъ по истинѣ можетъ служить образцомъ человѣка, которому можно слѣдовать. Память о немъ каждаго, кто зналъ его, можетъ быть не разъ заставить встряхнуться и ободриться въ минуту невзгоды и дать новыя силы къ продуктивной работѣ на научномъ поприщѣ!

Заканчивая этотъ блѣдный очеркъ, я не могу не высказать пожеланія, чтобы у насъ въ Россіи было побольше такихъ цѣльныхъ людей, которые своимъ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, своимъ безкорыстнымъ служеніемъ наукѣ способствовали бы быстрому возрожденію и преуспѣянію Россіи на пути къ ея полному сравненію съ культурными государствами.

Профессоръ *М. Янишевскій*.

Г. Томскъ.